

ПЕТУШКИ И КУРОЧКИ

Каждое лето, когда мы жили на улице Шлакоблочной (в конце мая или в начале июня) отец привозил в коробке из инкубатора маленьких жёлтеньких цыплят. Не он один, почти все жители нашего и соседнего домов по весне закупали цыплят. Один цыплёнок стоил пять копеек, и отец всегда привозил десяток. Маленькие цыпущки дней десять жили прямо в коробке, попискивая днём и ночью. Мы с сёстрами и бабушкой кормили их мелко раздробленным зерном и поили водичкой, наливая в алюминиевую чашечку. В середине июня немного подросших цыплят переносили на постоянное место жительства — в сарай. Для этого отец огораживал слева от входа им территорию, настилал опилки. Перед входом в сарай, примерно в полуметре от двери, для цыплят выстраивалась небольшая площадка, которая ограждалась металлической сеткой. Чтобы цыпущки могли выйти на солнышко, для них подпиливали одну из досок сарая. На ночь, загоня цыплят в сарай, проход закрывали, а утром открывали снова. Почти весь день (если стояла хорошая погода) цыплята проводили за сеткой: чирикавая, кудахтая и толкая друг друга, клевали зерно и пили воду.

Почти у всех жителей нашего дома были пристройки к сараю из металлических сеток. Некоторые ещё

подстраховывали своих молоденьких курочек и петушков — сколачивали из штакетника подобие деревянной клетки, а потом уже ставили металлические сетки. Это помогало спасти цыпущек от шныряющих возле ограждений собак и особенно котов и кошек. Под таким прикрытием цыплята были недоступны для хищников. Но иногда всё же хитрые кошки как-то умудрялись если не вытащить, то придавить находившегося ближе к сетке цыплёнка. Более других преуспевала в этом пришедшая серая кошка, прозванная в нашем дворе Маруськой. Она подолгу высиживала в засаде, прячась от всех, и, улучив момент, бросалась к огороженному курятнику. А однажды Маруська забралась на крышу сарая и спрыгнула с крыши в открытый сверху соседский курятник. Кошка передавила почти всех цыплят, утащила двоих или троих и нескольких покалечила. Переполох привлёк внимание бабушки-соседки, она вспугнула Маруську, но поймать её не смогла. Кошка через сарай, по дровам, выбралась на крышу и убежала.

После этого случая Маруська не показывалась в нашем дворе всё лето, но в начале сентября несколько ребятишек, идущих утром в школу, снова видели её возле наших сараев.

Большинство курочек и петушков, живших в двух красных сараях, до зимы не доживали. Сарай были летние, и только двое или трое хозяев утеплили их, соорудив дополнительные стены и засыпав пространство между стенок шлаком или опилками. Они держали курей и даже поросят всю зиму. Остальные варили из подросших курей суп.

Так же поступали и наши родители с нашими подросшими за лето и осень курочками. Но вот зимой с 1966-го на 1967-й год их решили сохранить на зиму. Из десяти купленных весной птичек выжили девять, и отец соорудил под столом курятник. Стол стоял в углу кухни, и отцу оставалось только прибить горизонтально к полу и ножкам стола с двух сторон длинные штакетины, а к

ним и к самому столу — ещё несколько коротких вертикально. Из досок была сколочена и кормушка. В кормушку сыпали пшено и ставили алюминиевую чашку с водой. Когда насыпалось пшено или в чашку наливалась свежая вода, курочки, а за ними и петушки, расталкивая и сбивая друг друга, мчались к кормушке и, высовывая головы между штакетинами, спешно клевали зерно или пили воду, после каждого глотка поднимая высоко вверх свои головки с маленькими красными гребешками.

Самое интересное было то, что за этим столом мне приходилось делать уроки и, отправляясь утром в школу, завтракать. Когда я садился к столу, самые смелые цыпутьки высовывали головы и пытались клевать мне ноги. Клювики то и дело втыкались мне в носки и тапочки. Было скорее щекотно, чем больно. Я быстро сообразил, что делать: перед тем, как сесть к столу, обувал валенки. Курочки стучали клювом по валенкам. Стук был слышен, но валенки прочно защищали от прокусов. Иногда ранним утром, часов в пять, а то и раньше, задолго до зимнего рассвета, петушки начинали кукарекать, протяжно стараясь вытянуть то ли букву «а», то ли «у», то ли «е»... Получалось что-то вроде «а-а-а... у-у-у... е-е-е», а может, и «кукареку», как пишут в книжках.

Курочки и петушки жили у нас под столом месяца два — с ноября до Нового года. Перед Новым годом к нам из деревни на лошадке, запряжённой в сани, приехали старшая сестра матери тётя Вера с мужем дядей Андреем. Они забрали шесть курочек и одного петушка. Оставшиеся, как я понял, пошли в щи и в суп с вермишелью.

Я помню, как отец разгораживал клетки и отодвигал стол, а бабушка выметала куриный помёт и мыла полы. Потом она ощипывала курочек, складывая перья и пух в небольшую наволочку.

Больше цыплят мы не покупали. Наверное, потому, что в 1967 году переехали в новый пятиэтажный дом, в благоустроенную квартиру на третьем этаже — с водопроводом, ванной и балконом.